

Если лить не перестанет, плотина прорвется,
Если лить не перестанет, плотина прорвется,
Все зальет — и куда нам тогда деваться?..
Я работаю без отдыха, день и ночь,
Я работаю без отдыха, мама, день и ночь,
Лишь бы не дать плотине прорваться...

*КАНЗАС ДЖО МАККОЙ И МЕМФИС МИННИ.
КОГДА РУХНЕТ ПЛОТИНА¹*

¹ Блюзовая песня, посвященная Великому наводнению на Миссисипи 1927 года — одному из самых разрушительных наводнений в истории США. Получила всемирную известность в переработке группы Led Zeppelin. (*Здесь и далее — прим. пер.*)

ТЕХАС

Хьюстон самолеты не принимал: было слишком жарко. Точнее, приземлиться-то бизнес-джет королевы там мог, поскольку за время полета из Схипхола переработал в углекислый газ и выбросил в атмосферу десять тысяч килограмм топлива. Но после заправки едва ли оторвался бы от земли, пока не спадет жара. А на смену жаре ожидался ураган.

Повинуясь указаниям диспетчеров, Фредерика Матильда Луиза Саския — такое имя королева получила при рождении — и второй пилот, капитан Нидерландских Королевских Военно-воздушных сил по имени Йохан, начали серию воздушных маневров, которым предстояло завершиться в Уэйко.

Быть может, Уэйко для них — не лучший выбор; но спорить сейчас бессмысленно. Бизнес-джет, почти пустой — всего семь душ на борту, — летел выше и быстрее авиалайнеров. Разрезал нижнюю кромку стратосферы со скоростью более шестисот миль в час и уже готов был начать снижение в Хьюстоне, когда пришло сообщение, что там сейчас не сядешь. Нужно было решить, куда лететь. Быстро сделать выбор — необязательно лучший из возможных.

Как сообщили техасцы по радио — и как подтвердил Виллем, заглянув в рубку со свежими данными, полученными по каналу интернет-связи для пассажиров, — несколько часов назад над Уэйко пронеслась гроза, и температура там сейчас упала до 45 градусов. Или до 113, если считать по-американски¹. Словом, достаточно низко, чтобы имело смысл хотя бы заглянуть в расчетные

¹ Имеется в виду температура по Цельсию и по Фаренгейту.

таблицы, созданные производителем этого джета тридцать лет назад, вместе с самим самолетом. В то время людям в голову не приходило, что на Земле может быть так жарко, как сейчас в Хьюстоне, и такие цифры в таблицах просто не значились.

В аэропорту Уэйко имелось все, что нужно. Две посадочные полосы, расположенные буквой V. Воздушные потоки вынуждают сесть на левой из них, той, что направлена на юг. То же советуют диспетчеры. Что ж, так они и сделают.

У диспетчеров на руках куча самолетов — в основном лайнеров, — которые тоже надеялись приземлиться в Хьюстоне и теперь не знали, куда податься. И большинству из них требовались аэропорты посolidнее. Так что бессмысленно спорить, подойдет ли им Уэйко. Переговоры по радио может услышать кто угодно, к тому же они записываются — а королеве и ее свите желательно сесть тихо, не привлекая к себе внимания. К этому королева привыкла: ее с младенчества учили не выставлять напоказ свое положение и статус. В Нидерландах это не принято. Играет на руку антироялистам, только и всего. Леннерт, руководитель ее охраны, пришел к выводу, что Уэйко подойдет. Там есть ангар, вполне подходящий для такого самолета. Виллем уже заказал номера в гостинице и сейчас договаривался об аренде автомобилей.

Все, что от нее требуется, — посадить самолет. А это она умеет. И Йохан рядом, если что, всегда придет на помощь.

Вместе с титулом и богатством королева унаследовала от отца любовь к самолетам. Помимо своих королевских обязанностей, отец подрабатывал пилотом на KLM — *Koninklijke Luchtvaart Maatschappij*, «Королевских голландских авиалиниях» с коронной на логотипе. Давным-давно папа объяснил ей, почему стал пилотом. Когда сидишь за штурвалом, сказал он, у тебя есть не только возможность, но и священная обязанность ни о чем, кроме своей машины, не думать — иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров.

В этих словах заключался второй смысл — или даже два, — которые принцесса Фредерика Матильда Луиза Саския поняла лишь много лет спустя.

Первый, более очевидный: мама и папа очень старались растить ее как обычного человека, и то, сколько обязанностей и ограничений накладывает корона, она поняла лишь намного позже. Уже взрослой.

И второй, пришедший ей в голову совсем недавно: «машина, от которой нельзя отвлекаться, иначе погибнешь сам и погубишь пассажиров» — ведь это не что иное, как ее страна. Нидерланды. Сложный механизм, способный погубить массу людей, если не нажимать вовремя нужные кнопки.

Королева снижала самолет и готовилась к приземлению: на душе у нее было спокойно и ясно. Все, что сейчас требуется, — удерживать нужные цифры в нужных диапазонах. К моменту, когда внизу блеснет посадочная полоса Уэйко, самолет должен достичь так называемой эталонной скорости. Значение ее зависит от таких условий, как температура за бортом, вес самолета, состояние посадочной полосы; но так или иначе, ее благополучно рассчитали тридцать лет назад, она значится в таблицах, и как безопасно снизить скорость до этих значений — тоже проблемы не составляет.

Одновременно требовалось спуститься вертикально вниз, пролетев через всю тропосферу — нижний слой воздушной оболочки Земли, определяющий земную погоду и климат, — пока цифры на высотомере не совпадут с высотой Уэйко над уровнем моря. И для этого существует известная процедура; что же до поворотов в горизонтальной плоскости — здесь королева полагалась на усталые голоса техасских диспетчеров. Привычная последовательность действий за пультом, короткий, сухой, но совершенно спокойный обмен репликами с Йоханом и с диспетчерами на земле — все вместе вызывало состояние, которое голландцы именуют *normaal*, с ударением на втором слоге. Совсем не то же, что английское *normal*.

Чтобы объяснить понятие *normaal*, понадобилась бы целая книга. Если же вам случилось родиться в королевской семье Нидерландов, за право считаться *normaal* приходится постоянно бороться; а поскольку это свойство легко подделать, убедитель-

нее всего доказать свою нормальность получается там, где одна ошибка может стоить вам жизни.

Если вы ездите в школу на велосипеде (именно об этом писали таблоиды, когда королева была маленькой), хейтеры скажут, что это все пиар, которому верят лишь самые наивные. Зато даже самый свирепый антироялист не сможет отрицать, что король (или королева) благополучно посадил самолет, не угробив ни себя, ни пассажиров. Такое не разыграешь — и обезьяну такому не научишь. Ни один король не получит лицензию пилота, не освоив математику, физику, механику и метеорологию. В далеком прошлом, чтобы доказать, что он не фальшивка, король с мечом в руках сам вел в бой свои войска. Сидеть за штурвалом самолета и направлять его на посадочную полосу — в современном мире, пожалуй, ближе всего к той давней кровавой проверке на прочность.

Королева взяла на себя главное; о деталях заботилась ее команда. Услышав, что в Уэйко не так жарко, как в Хьюстоне, естественно предположить, что там царит благословенная прохлада. Мысль, увы, ошибочная. Едва коснувшись земли, самолет превратится в духовку. И когда пассажиры выйдут на воздух, легче не станет: внутри или снаружи их поджидает неотвратимый тепловой удар. Так что стоило заранее продумать, как через несколько минут после посадки спрятать самолет и его пассажиров где-нибудь в тени, лучше всего — в помещении с кондиционерами. Разумеется, в багажном отсеке лежали полностью заряженные геокостюмы: надевай и иди. Однако судорожно распаковывать их сразу после посадки отдавало дилетантством.

От королевы требовалось лишь приземлиться; и с этим она никаких затруднений не предвидела. Ураган, угрожающий Хьюстону, пока бушевал в сотнях километров отсюда, над Заливом. Над Уэйко воздух был влажный и переменчивый после недавней грозы — в Голландии она справлялась с таким не раз. Время около четырех — белый день. Плавный спуск по спирали, направляемый диспетчерами, давал возможность хорошенько разглядеть Уэйко и окрестности. Плоская зеленая равнина. Не такая плоская, как дома, — но, насколько видит глаз, не ослож-

ненная ни холмами, ни оврагами. Зеленъ темнее нидерландских пастбищ и полей: здесь в основном леса и заросли кустарника.

Постепенно картинка внизу стала четче. Самолет встроился в очередь на посадочную полосу, пока еще невидимую. За аэродромом виднелся город: лишь несколько высотных зданий вздымались головы над ровным, аккуратным зеленым покровом. Похоже, в городе много парков. На окраинах зеленый цвет тускнеет, перетекает в серый — может, там больше построек и меньше деревьев? Справа по предполагаемому курсу — большое озеро, отгороженное от открытой лужайки аэропорта полосой густых и темных, почти черных, зарослей. По форме озера нетрудно догадаться, что оно искусственное. Скользнув взглядом по берегу, королева — истинная нидерландка — безошибочно определила дамбу: невысокую прямую насыпь с водосбросом, недалеко от конца посадочной полосы.

Все эти впечатления почти бессознательно накапливались в мозгу в те десять минут или около того, пока самолет снижался. Как ни странно, делать было особо нечего. Они с Йоханом балансировали таким образом, чтобы вес самолета превышал аэродинамическую силу крыльев: согласно законам физики это позволяло снижать высоту неторопливо и предсказуемо. Постепенно снизили скорость узлов до двухсот: она уже приближалась к эталонной, чье значение сегодня составляло 137 узлов. Скоро выпустят закрылки. Взгляд королевы привычно скользнул по нескольким ключевым индикаторам. Самолет старый, и в рубке хватает старомодных механических переключателей, в черных бакелитовых панелях с рельефными белыми надписями. Но все самое важное в центре, как выражаются пилоты, «полностью экранное»: в старозаветную приборную доску врезана электронная панель, разноцветные сияющие экраны с виртуальными инструментами. Королева знала, куда смотреть, и все важные данные — скорость, высоту, вертикальный наклон, поперечный крен, значение отклонения от курса — считывала автоматически.

И все же не мешало посматривать и в окно, на реальный мир. Перед ними, довольно далеко, приземлился одномоторный част-

ный самолетик и быстро убрался с дороги. Тут и там на земле что-то бессистемно поблескивало. Привычная для нидерландцев картина: местное затопление. Воды не так много, чтобы устроить потоп, но достаточно, чтобы в тех местах, где почва уже насыщена влагой и впитывает медленно, надолго задерживались, словно блестки на плоской груди земли, стоячие озера или просто большие лужи. Одна из таких луж на миг ослепила королеву, блеснув в солнечных лучах. Однако за аэродромом, по всей видимости, следили хорошо и такого не допускали: диспетчер предупредил бы, ожидай их лужи или грязь на посадочной полосе. Полоса, кстати, уже ясно просматривалась внизу, прямо по курсу, именно там, где должна быть, — влажная от недавнего дождя, но без луж. Еще один маневр — и самолет прямо над ней. Большая часть аэропорта теперь осталась слева. Справа, между гудроном и проволочным сетчатым забором, показалась узкая полоска травы. Сразу за сеткой, параллельно ей — двухполосная дорога. Окаймленная темным лесом, через пару километров она выходила на изогнутый берег озера. Сквозь зелень деревьев то тут, то там мелькали бурые пятна голой земли, а кое-где — синие прямоугольники брезентовых тентов, натянутых над лагерями беженцев.

Медленное приближение земли всегда завораживало королеву. Двадцать минут назад город едва виднелся за синей дымкой стратосферы — а теперь, снизившись на сотню метров, она ясно видела каждый дом, и дворы за домами, и сверкающие голубые пятнышки бассейнов, посветлее брезента в лесу. Должно быть, дети — определенно из более обеспеченных семей, чем те, что прячутся в лесах, — прыгают в бассейны охладиться, вернувшись из школы. На миг вспомнилась Лотта; но королева напомнила себе, что сейчас не время думать о дочери, и вместо этого в сотый раз проверила инструменты. Что-то мелькнуло справа от полосы... нет, ничего особенного — просто вдоль огороженного периметра аэродрома по разбитой, темной от недавнего дождя двухколейке едет пикап. Почему-то с включенными тормозными огнями. Ее это не касается.

Самолет миновал ограду у ближнего конца полосы. Любую тревогу, какую могла бы испытывать королева в эти последние секунды полета — верна ли скорость, высота, угол снижения? — рассеивало полное спокойствие Йохана, второго пилота. Вдвоем они действовали как один. Оставалось лишь несколько секунд до того, как шасси коснутся гудрона и воздушный корабль обернется громоздким и чертовски дорогим автомобилем. Высоко расположенное лобовое стекло и чуть вздернутый нос самолета мешали разглядеть, что творится на полосе прямо по курсу. Зато джет был снабжен видеокамерой в брюхе: изображение с нее выводилось на экранчик между креслами пилотов, так что оба видели, что происходит внизу. Как правило, во время посадки королева не смотрела на этот экран: что там увидишь, кроме чистого гудрона?

Однако в эти последние секунды до нее донеслись изумленные и испуганные возгласы из салона, с правой стороны — возгласы людей, увидавших что-то невероятное. Невероятное... и опасное. Обычно во время полетов королева оставляла рубку открытой, чтобы любопытные пассажиры могли заглянуть внутрь и полюбоваться видом из кабины; но теперь, судя по всему, пассажиры видели нечто, скрытое от глаз пилотов.

«Что происходит? — мелькнуло в голове. — Не прервать ли посадку?» А в следующий миг ее внимание привлекло необычное движение на экранчике видеокамеры.

За долю секунды она успела разглядеть: кипучая темная масса четвероногих созданий мчится через полосу наперерез — прямо под брюхом бизнес-джета.

Самолет резко дернуло вправо. Шасси под правым крылом с размаху обо что-то ударились. Они еще не сели, так что колеса пока не вошли в сцепление с поверхностью. Нос самолета ухнул вправо и вниз, переднее шасси вдавилось в гудрон под неудачным углом — и тоже наткнулось на какое-то препятствие.

В этот миг они летели с эталонной скоростью: 160 миль в час по техасскому счету. Полоса ринулась навстречу. Самолет страшно трясло и болгало — показания приборов плясали перед глазами. Экран нижней камеры забрызгало чем-то крас-

ным — то ли кровью, то ли гидравлической жидкостью. Сквозь алые потеки едва виднелась размытая зелень, со страшной скоростью летящая мимо. Нет, это небо. Нет, снова зелень. Королеву толкнуло вперед; ремень безопасности удержал ее на месте. За спиной с грохотом срывались с мест и летели по салону чемоданы. Вновь тряхнуло — похоже, влажную землю пропахала законцовка крыла. С полосы они съехали: все, что оставалось, — мчаться вперед, тормозя о землю, о траву, обо что придется.

Свиньи! Только теперь королева сообразила: четвероногие создания, темным потоком промчавшиеся под брюхом самолета, — это свиньи! На вид скорее дикие кабаны, чем домашняя скотина. Эта совершенно бесполезная мысль крутилась у нее в голове, когда самолет, подпрыгивая и трясясь, пролетел вкось по траве и вступил в сложные отношения с сетчатой оградой.

А потом, слава богу, наконец остановился.

Сквозь трещину в фюзеляже королеву, словно из горячего душа, окатило раскаленным воздухом. Это побудило ее действовать: она торопливо расстегнула ремень безопасности — и сразу повалилась на Йохана, который двигался куда медленнее. По его лицу стекала кровь и капала с уха. Бровь рассечена: рыжеватые волосы слиплись от крови. Глаз под ссадиной был закрыт, второй открыт, но затуманен. Йохан пытался подняться, у него не получалось. Наверняка сотрясение. Королева расстегнула и его ремень.

Выбраться из рубки оказалось дьявольски непросто: земное притяжение тянуло в другую сторону. Пришлось карабкаться вверх, словно альпинистке, ища опоры для рук и ног. Посередине пути она застряла, но в этот миг сильная рука схватила ее за запястье и подтянула выше. Убедившись, что его королева цела, Леннерт повернулся к двери, расположенной прямо над ним. И здесь гравитация ему не способствовала. Однако королева поддерживала Леннерта с одной стороны, его ассистентка Амелия — с другой, и с их помощью он сумел наконец дотянуться до дверной ручки. На миг королева испугалась, что дверь в перегородке, разделявшей самолет почти пополам, заклинило. Но нет — та оказалась на удивление прочной. Леннерт повер-

нул ручку и распахнул дверь одним мощным пинком. В проеме показалось голубое небо с легкими облачками. Схватившись обеими руками за косяк, Леннерт подтянулся, вытолкнул себя наверх и присел на фюзеляж возле выхода, чтобы оглядеться. Освещенное солнцем лицо мгновенно покрылось капельками — нет, не пота, человек так быстро не потеет. Это влага из раскаленного воздуха сконденсировалась на его относительно прохладной коже.

Королева боролась с желанием последовать за ним. Но капитан воздушного судна должен покинуть его последним. Йохан не выберется сам, его придется вытаскивать; что до остальных — они могли пострадать еще серьезнее.

Леннерт почему-то не спешил двигаться дальше. Сидел с таким видом, будто предпочел бы остаться внутри самолета. Он отвел руку за спину, к ремню, но тут же ее отдернул. Обычно на людях он носил сзади под пиджаком пистолет — и сейчас инстинктивно потянулся за ним. Увы, оружия при нем не было.

— Мою сумку, — приказал он Амелии, имея в виду небольшую сумку на ремне, в которой возил пистолет и другие орудия своего ремесла. Затем объяснил королеве: — Хочу оглядеться, *mevrouw*¹. Огня не видно, но будьте начеку: возможно, у нас не так много времени.

Амелия рылась в разбросанном по салону багаже, разыскивая сумку Леннерта. Задача была не из легких: дверь, ведущую в багажное отделение в конце салона, в какой-то момент снесло с петель, и вещи разлетелись в разные стороны. Например, прямо под ногами валялась синяя скатка — один из геокостюмов. Королева взяла его в руки и, подняв над головой, выбросила через дверь наверх, на фюзеляж. То же проделала с еще одной скаткой. С чьим-то рюкзаком. И еще одним геокостюмом. Но сумку Леннерта ни она, ни Амелия пока не видели.

В салоне оставались еще трое. Виллем успокаивал Фенну: ее работа состояла в том, чтобы королева могла не думать об одежде, прическе, макияже, однако всегда хорошо выглядела

¹ Госпожа (голл.).